

Глава вторая

Как обычно, Ксавье умчался на мотоцикле в клинику, а я пошла пешком в галерею. Эти пятнадцать минут — мой неизблемый ритуал начала дня. Я люблю шагать по улицам, знакомым мне всю жизнь. Лучший отрезок пути — когда я сворачиваю за угол той из них, где находится мой второй дом. Она пешеходная, узкая, усеянная ловушками корявых булыжников, с которыми я легко справляюсь, поскольку именно на них сделала свои первые шаги. Это почти и не улица, а маленькая деревня. Причем из другой эпохи, из другого времени. Она словно застыла и отказывалась меняться. Стены фахверковых домов бросали вызов закону притяжения, краски выцвели, но никого это не волновало, поскольку ничто здесь не утратило своей чудесной прелести. Обаяние этого места тормозило порывы девелоперов, заставляя их откладывать очередной строительный про-

ект. Нас нельзя было убрать. Как и каждое утро, я помахала Аните, державшей букинистическую лавку, Жозефу, моему соседу из музыкальной мастерской — маленькому, с годами усыхающему человечку, возраст которого невозможно было определить, — поприветствовала цветочницу Сибиллу и зашла купить что-нибудь вкусненькое к старым булочникам, которые уже было собрались уйти на покой, но передумали и снова открыли лавку, где торговали собственноручно изготовленными сладостями. Перед галереей я послала воздушный поцелуй Лили, владелице ресторана. Старожилы из местных знали меня еще ребенком, а до того дружили с моим отцом и дедом. Я крутанула большую латунную ручку двери, прошла по галерее, зашвырнула сумку и пальто в кабинет, а затем сделала традиционный ежедневный обход своих владений, цокая каблуками по каменной плитке пола. По мере продвижения я зажигала светильники во всех трех выставочных залах, разделенных арками и несколькими ступеньками. Мне нравился перепад уровней, который сам по себе менял атмосферу. Все здесь было вкривь и вкось, что не удивительно, если учесть возраст дома. Экспозиция, на первый взгляд хаотичная, на самом деле следовала девизу моего деда: “Красивые вещи всегда сочетаются друг с другом”. Скульптуры и живописные работы стояли и висели рядом, образуя мешанину органических веществ, минералов, красок — иногда сверкающих, иногда мрачных, а иногда еле-еле проступающих на белоснежных холстах.

Я всегда жила в галерее. В ней мой отец меня воспитывал и здесь же дал мне профессиональное образование, прежде чем доверить галерею. Так же поступил с ним мой дед. Бабушку я не знала, она умерла за несколько лет до моего рождения. В нашей семье ремесло галериста передавалось из поколения в поколение, и мы едва избежали катастрофы: когда я родилась, дед скорчил гримасу отвращения, так как папа с его *придурочной*, в которую он на беду ухитрился влюбиться, не сумели принести в семью наследника мужского пола... Та пора давно позади, но когда я о ней вспоминаю, у меня просто мороз по коже.

Моя мама... Самое большое разногласие между папой и дедом. Я знала всю историю, каждый поделился со мной своей версией, и, как ни странно, три описания ситуации не слишком разнились. “Никогда ни одна женщина не получит мою галерею”, — прорычал дед, узнав, что у него родилась внучка. Тогда папа хлопнул дверью галереи, война между ним и дедом длилась несколько месяцев, и оба терзались, чувствуя себя неприкаянными: отец лишился работы, а дед — сына. В конце концов они пошли на уступки. Отец перестал яростно защищать любовь всей своей жизни — принял тот факт, что отношения между его отцом и женой никогда не наладятся, — а дед согласился не нападать на невестку и признать “ее потомство”. Их компромисс, как выяснилось, благоприятно сказался на моих отношениях с дедом, потому что мне удалось его очаровать. Заворожить, как любил он повторять, подмигивая.

И напротив, что касается моих родителей, вся эта история в определенном смысле доказала дедову правоту. Мама была художницей и хиппи, ностальгирующей по Вудстоку. Когда-то давно родители безумно влюбились друг в друга, но под скептическим оком патриарха их страсть продержалась всего несколько лет. Мое появление на свет наполнило маму счастьем, которого хватило, однако, лишь до моего трехлетия. Устав от жизни, полностью противоречащей ее мечтам о гармонии коммуны — одной любви не всегда достаточно, — она уехала, бросив нас с папой вдвоем.

Не знаю, где отец нашел силы вернуться к жизни, не сдаться и заботиться обо мне с такой любовью и нежностью. Он не падал духом и сумел воспитать меня, ни разу не сказав худого слова о жене, а скорее даже призывая терпимо относиться к ней и ее выбору. Ему было легче признать, что мама счастлива в ее другой жизни, чем удерживать жену с нами, делая несчастной. Это может показаться ненормальным, но я никогда всерьез на нее не обижалась, и в детстве, и в подростковом возрасте мне жилось морально комфортно, отец и дед баловали меня и защищали от невзгод. То, что я выросла без матери, научило меня самостоятельности и независимости. Я была единственной женщиной в семье, привыкла легко справляться с хозяйством и очень быстро стала в нашем доме главным человеком. К тому же мама всегда оставалась в некотором смысле неподалеку. Она регулярно писала нам письма, сообщала о своих новостях, справлялась о наших. В конверты она вкладывала свежие

фотографии, и мы поступали так же. Иногда она приезжала к нам. В такие дни я наслаждалась присутствием мамы в бандане и длинном платье в цветочек, упорно старавшейся приохотить меня к живописи. Когда мне исполнилось десять лет, я потребовала, чтобы меня отпустили к ней в гости. Папа согласился, хоть и жутко боялся, что я так там и останусь. В коммуне мне давали свободу, о которой мечтает любой ребенок: я бегала, веселилась, пела, могла целый день проходить в одних трусах или в костюме лесного гнома, без всякого распорядка дня и особых запретов. Там я много рисовала, научилась лепить из глины и рассказывать разные истории. Мной, как и остальными детьми, занималось, безотносительно к родственным узам, множество колоритных персонажей. Это был чудесный и оторванный от действительности мир. После нескольких недель в маминой коммуне я всегда возвращалась домой и в галерею всем довольная, уверенная в себе и благодаря стабильности домашнего существования и папиному постоянству заново убеждалась в материальности окружающего меня мира.

Я даже не заметила, как отец с дедом приобщили меня к искусству. Оно пришло ко мне без усилий, естественно, как дыхание. Искусство было частью их личностей, и они передали мне бескомпромиссность оценок, острое чувство подлинности, безупречный нюх на таланты. В детстве я делила все дни на будние — с занятиями в школе и домашними

заданиями, которые я делала в галерее, — и выходные в музеях, на выставках, в мастерских художников, куда меня водил дедушка, уже тогда передававший управление семейным делом папе. Когда я была в галерее с отцом, я с восторгом наблюдала, какие чудеса ловкости он демонстрирует, продавая полотно или скульптуру или уговаривая художника подписать с ним контракт. Уткнувшись носом в тетради, я слышала, какие аргументы он выдвигает, как соблазняет, заставляет мечтать, ободряет, обнадеживает. Тщательно подбирая слова и выстраивая фразы, мой отец балансировал, как канатоходец на проволоке. Эти навыки запечатлелись в каждой клеточке моего существа, я впитала в себя его страсть и сделала своей. Талант общения, мастерство соблазна и любовь к художникам, свойственные галеристам, раз и навсегда укоренились в моем сознании. Я не мешала деду утверждать, будто его гены сильнее маминых, понимая, что спорить с таким старым упрямым — бесполезная трата энергии.

Я не сомневалась, что как только я сдам выпускные экзамены, папа позовет меня к себе на работу. Но все вышло по-другому. К моему изумлению, он отправил меня продолжать учебу на другой конец страны и при этом настаивал, чтобы я специализировалась не на истории искусства, а на другой дисциплине. Мне пришлось сражаться с ним за право самостоятельно выбирать предмет обучения. Это была заодно и последняя битва деда на закате его жизни и единственная, которую он вел плечом к плечу с моей матерью. Он, когда-то безоговорочно отвергший даже самую возможность того,

что однажды я возьму *его детище* в свои руки, лучше всех понял, что нельзя препятствовать воплощению моей страсти в жизнь. Но даже после окончания магистратуры папа не пустил меня в галерею и отправил на многочисленные стажировки к своим друзьям-коллегам. Он хотел, чтобы я повидала мир, познакомилась с другими формами искусства и разными культурами: я ездила в Африку, в Южную Америку. Ему было важно, чтобы я открылась всем жанрам творческих высказываний и приобщилась к тонкостям художественного рынка. Он считал необходимым, чтобы я завязала собственные знакомства, моя записная книжка заполнилась контактами, а я усвоила другие методы работы галеристов, менее академичные, чем его собственные. Пришлось ждать, пока мне исполнится двадцать шесть, и только тогда он позволил мне приехать домой. У меня словно гора упала с плеч. Да, мне безумно понравилось путешествовать и узнавать мир, но я рвалась обратно, в родные стены, и хотела наконец-то занять свое место рядом с отцом. Я скучала по нему, по галерее и по еще витавшим там воспоминаниям о деде.

Уже во Франции я очень быстро поняла причину, а точнее причины, навязанного мне изгнания. Прежде всего, отец был уверен, что держит меня в золотой клетке, и опасался, что однажды я не выдержу сидения в четырех стенах галереи, сорвусь и пошлю все к черту, примерно как это сделала мама. Кроме того, он хотел показать мне все поле возможностей, хотя длительное отсутствие любимой дочери разрывало его сердце — впрочем, как и мое, но только мое в меньшей мере, поскольку я про-

живала потрясающее приключение. Но была и еще одна причина, конечно, эгоистичная, но такая сокровенная и такая красивая, что я тут же простила его, когда он признался в ней. После двадцатилетней разлуки они с мамой были опять вместе и проживали новый тип отношений, соответствующий их характерам. На них больше ничего не давило, им не нужно было воспитывать ребенка или перед кем-то отчитываться. У них, естественно, и в мыслях не было возобновить совместную жизнь, они встречались только ради наслаждения искусством и любовью. Маме было плевать, как я к этому отнесусь, зато папа был в ужасе. Услышав это, я залилась смехом и сообщила ему, что не слепая и с раннего детства знала, что они никогда не переставали любить друг друга. Я без сомнений предпочитала честное признание любым попыткам скрыть происходящее между ними, тем более что оба они давно вышли из возраста, когда надо прятаться. И я никогда не судила их за сделанный выбор, такое мне просто не взбрело бы в голову.

Лет десять мы руководили галереей вместе. Я завершала свое образование, учась у него, и это было прекрасно, захватывающе и усиливало мое рвение. Я не воспринимала ситуацию именно как совместную работу с отцом, впрочем, он не позволял называть его в галерее папой. Среди произведений искусства, художников, клиентов он был Жоржем — я помогала мэтру, наставнику, считавшему меня равной себе. Я полагала, что наше сотрудничество будет длиться вечно. Однако незадолго до того, как Титуану исполнилось три года и он пошел в детский

сад, папа призвал меня к себе весьма торжественным образом, что было абсолютно не в его привычках. Стоя перед гигантской картиной в размытых серо-голубых тонах, изображающей горизонт, которую мы только что продали и которую папа особенно любил, он объявил о своем уходе:

— Ава, дорогая, пора отпустить тебя в свободное плавание... Именно этого хотел бы твой дедушка... И этого хочу больше всего на свете я... Отныне галерея — твоя.

Его патетическая речь и затуманившийся взгляд, обращенный к полотну, помешали мне воспротивиться. Хотя и тело, и мозг вопили: “Нет, нет, не сейчас, еще слишком рано!” Я была в ужасе, чувствовала себя неспособной остаться одной и без него сохранить галерею и продолжить ее жизнь. Но я никак не могла отвергнуть его просьбу, его пожелание. Мой отец, человек, которым я восхищалась, как никем другим, считал, что обязан позволить мне расправить крылья. Так он показывал, что я уже действительно взрослая и научилась управлять своей жизнью женщины, матери и галеристки. Я не стала проявлять эгоизм, удерживая его, тем более что, если честно, для меня все складывалось хорошо. Я не стала ничего говорить, потому что слова были бы бесполезны, я просто потянулась к нему и уткнулась лицом в плечо, глотая слезы волнения.